

Рохинтон Мистри

РОХИНТОН МИСТРИ

Дела семейные

Издательство АСТ
Москва

Глава 1

Луч предвечернего солнца брызнул в изножье кровати Наримана и разбудил его. Он проснулся, взглянул на часы. Скоро шесть. Посмотрел на ноги, пригретые солнцем. Искореженные и скрюченные пальцы, с возрастом ставшие похожими на птичью лапу, наслаждались теплом. Глаза опять закрылись.

Мало-помалу солнечный луч уходил в сторону, вызывая у Наримана смутное ощущение, что его бросают. Снова посмотрел на часы: уже седьмой. С трудом поднялся — пора собираться на вечернюю прогулку. Пока умывался и полоскал рот, за плеском воды послышались голоса падчерицы и пасынка.

— Папа, пожалуйста, не выходи на улицу, мы тебя умоляем, — сказал Джал за дверью ванной и сморщился от звука собственного голоса, потому что он отдался громовым раскатом в ушах.

Джал поспешно подстроил слуховой аппарат. Аппарат у него старой модели: металлическая коробочка, размером со спичечную, крепится к нагрудному карману, оттуда тянется проводок к наушнику. Джал без особой охоты приобрел аппарат

четыре года назад, когда ему исполнилось сорок пять, но так и не привык к его капризам. «Чуть лучше», — сказал он себе и продолжил вслух:

— Неужели тебе трудно выполнить нашу просьбу? Прошу тебя, оставайся дома. Ради твоего же блага.

— Почему мы должны кричать через дверь? — возмутилась Куми. — Открой ты ее, Джал!

Куми на два года моложе брата, тон ее бранчлив, в противовес его увещательному. Она сухопара, как брат, но крепче его; она в мать, однако ей недостает округлостей для смягчения острых углов и линий. Когда она подрастала, родня невестело вздыхала, глядя на нее, и приговаривала: отцовская любовь, как солнца свет и свежая вода, без них не расцветает девичья краса, а отчим — совсем не то. Однажды по неосторожности кто-то сказал это при ней. Слова больно обожгли ее, она убежала к себе плакать по умершему отцу.

Джал подергал дверную ручку — заперто. Покреб в густых курчавых волосах и осторожно постучался. Ответа не последовало.

В дело вступила Куми.

— Сколько можно повторять, папа! Не запирай дверь! Как мы тебя вытащим, если ты упадешь или сознание потеряешь? Живи по правилам!

Нариман смыл с рук мыльную пену и потянулся за полотенцем. Куми ошиблась в выборе профессии, думал он. Ей бы стать директрисой школы, требовать соблюдения правил от подневольных учениц, отравляя им жизнь. Вместо этого она его донимает правилами, регулирующими все

стороны его скукожившейся жизни. Кроме запрета запира́ть двери, он обязан объявлять о намерении посетить клозет. По утрам должен оставаться в постели, пока она не придет за ним. Ванна — не чаще двух раз в неделю, при этом Куми выступает в роли хореографа, руководя каждым его движением, а Джал выполняет обязанности помощника режиссера, страхуя безопасность отчима. Существует еще целый свод правил в отношении питания, одежды, зубных протезов, включения проигрывателя... И в минуты доброжелательства Нариман соглашается с тем, что неустанно твердят брат с сестрой: все ради его же блага.

Он утирает лицо под тарахтение дверной ручки.

— Папа, ты в порядке? Я вызову слесаря снять все дверные замки — предупреждаю тебя!

Трясущиеся руки не сразу сумели повесить полотенце обратно на сушилку. Он открыл дверь.

— Хэлло, вы меня ждете?

— С ума можно сойти! У меня чуть сердце не выскочило — то ли ты сознание потерял, то ли еще что!

— Ничего, ничего, с папой все в порядке, — успокаивает сестру Джал. — Это самое главное.

Нариман с улыбкой вышел из ванной и подтянул брюки. С ремнем труднее, дрожащие пальцы не попадают стерженьком в пряжку. Засмотрелся на косой луч между кроватью и окном, залюбовался галактиками пляшущих пылинок, совершающих свои небесные движения по загадочным орбитам. Гул машин за окном, как всегда, усилился к вечеру. Отчего это уличный шум больше не раздражает его, подумал он...

— Что ты размечтался, папа, ты лучше нас послушай, — говорит Куми.

Нариману казалось, что в окно вливается благодатный запах земли, омытой дождем; он почти ощущал его на вкус. Выглянул в окно. Да, капает. Но это не дождь, а тоненькая струйка воды из соседского цветочного ящика.

— Даже с моими здоровыми ногами рискованно ходить по улице, — продолжил Джал ежевечернее выступление по поводу прогулок отчима. — А хулиганство на бомбейских улицах? Легче наткнуться на золотой самородок под ногами, чем встретить обыкновенную вежливость. Какое удовольствие ты находишь в этих прогулках? Ничего хорошего.

Носки. Нариман решил надеть носки и подошел к комоду. Роясь в неглубоком ящике, он ответил, не поднимая головы:

— Совершенно верно, Джал. Но есть много источников удовольствия. Канавы, рывины, уличное движение не могут затмить жизненные радости.

Рука, трепещущая как птичье крыло, все шарилась в ящике. Но задача оказалась не по силам, и он сунул в туфли босые ноги.

— Туфли на босу ногу? — возмутилась Куми. — Выйдешь на улицу в таком виде, как дикарь из деревни? И посмотри, как у тебя руки дрожат, ты даже шнурки не можешь завязать.

— Верно, и ты могла бы помочь.

— С радостью, если бы ты по делу собирался: к доктору или в храм огня за маму помолиться.

А глупостям я потакать не стану. Чтобы человек с болезнью Паркинсона проделывал то, что ты себе позволяешь!

— Я же не в Непал собираюсь по горам лазить. Хочу немного пройтись по переулку, вот и все.

Смягчаясь, Куми опускается на колени завязать ему шнурки, что она делает каждый вечер.

— Начало августа, — ворчит она, — муссон в разгаре, а тебе гулять приспичило.

Он подошел к окну и показал на небо:

— Дождь перестал, смотри.

— Ты просто упрямый ребенок, вот ты кто, — жаловалась Куми. — Наказать бы тебя, как ребенка. Оставить без обеда за непослушание, а?

«С твоей стряпней это не наказание, а подарок», — подумал он.

— Нет, ты слышал, Джал?! Чем он старше становится, тем бессовестнее!

Нариман понял, что произнес это вслух.

— Должен признаться, Джал, твоя сестра меня пугает. Она читает мои мысли.

Но слуховой аппарат опять подвел его пасынка, усилив громкий голос Куми, который перекрыл отчимова бормотание, и Джал услышал лишь неясный гул. Подстроив аппарат, Джал вернулся к тому последнему, что дошло до его слуха.

— Я согласен, папа, есть множество источников удовольствия. Наш разум содержит в себе столько миров, что радости от них хватит на целую вечность. Плюс у тебя есть книги, есть проигрыватель, радио есть. Зачем вообще выходить из квартиры? Тут как в раю. Этому дому не случайно

дали название «Шато фелисити» — здесь и вправду можно блаженствовать. Я бы с радостью отгородился от этого ада за стенами и всю жизнь провел бы дома.

— Не смог бы, — возразил Нариман. — Ад обладает способностью проникать даже через небесные мембраны. «О небеса, я в небесах», — тихонько замурлыкал Нариман, но смолк, чувствуя нарастающее раздражение Куми. — Достаточно вспомнить, что творилось после разгрома мечети Бабри*.

— Ты прав, — поежился Джал, — временами ад всюду проникает.

Чуть не десяток лет прошел с тех пор, как индусские фанатики, распаленные соответствующей пропагандой, разгромили эту мечеть, еще в шестнадцатом веке построенную на руинах индусского храма. Эхо события раскатилось по всей Индии кровавыми индусско-мусульманскими стычками, а в Бомбее вылилось в страшные погромы мусульманских кварталов...

— Чего ты соглашаешься с его глупым примером? — возмутилась Куми. — Погромы были на улицах, а не в домах!

— Я думаю, папа имеет в виду эту семью парсов, двух стариков, мужа и жену, которые погибли у себя же в спальне.

— Ты ведь тоже помнишь эту историю, Куми, — вздохнул Нариман, — когда озверелые толпы подожгли дом, потому что кто-то сказал, что там мусульмане прячутся?

* Подробнее об этом, а также о других упомянутых в романе политических событиях и историко-культурных фактах см. в статье «Что говорил Заратустра?» в конце книги.

— Я все помню, у меня память получше твоей! Несчастливым не повезло, стали жертвой недоразумения! Часто бывает, чтобы из-за мечети в Ай-одхье здесь, в Бомбее, начал зверствовать народ? Редчайший случай!

— Справедливо, — согласился Нариман. — Счет в нашу пользу.

— А взять прошлую неделю? В Фироз-Баге избили и ограбили старуху в ее собственной квартире, — не к месту припомнил Джал. — Бедняжка лежит в «Парси дженерал», и неизвестно, выживет ли.

— Ты на чьей стороне? — взорвалась Куми. — Хочешь доказать, что папа может спокойно гулять по вечерам? Что мир не превратился в опасное место?

— Конечно, превратился, — ответил за пасынка Нариман. — В особенности внутри дома.

Куми, стиснув кулаки, выскочила из комнаты. Он подышал на очки и медленно протер стекла носовым платком. Его меркнувшее зрение, неудобные зубные протезы, трясущиеся конечности, согбенная спина и шаркающая походка были почти готовы к совершению вечернего ритуала.

Нариман Вакиль вышел из «Шато фелисити» с зонтиком, который служил ему тростью. После затхлой пустоты квартиры бурление жизни было как воздух для изголодавшихся легких.

Он шел к переулку, где на углу торговали овощами. Корзины и ящики, полные зелени, бобов, фруктов и корнеплодов, преображали угол в сад. Французские бобы, сладкий картофель, цветная капуста, кориандр, зеленые перчики, помидоры

цветели под уличными фонарями, вознося сумеркам свои краски и благоухание. Он останавливался, склоняясь, чтобы коснуться их. Пальцы так и тянуло к чувственным луковицам и лоснящимся помидорам; фиолетовые баклажаны и сладострастная морковь были неотразимы. Зеленщики-сабзивалы знали, что он не покупатель, но это их не смущало, а ему нравилось думать, что они понимают, зачем он приходит. На подмостках у цветочного ларька двое мужчин сидели, поджав ноги, как музыканты, их пальцы выбирали, подбирали, складывали и связывали, сплетая в гирлянды, ноготки, жасмин, лилии и розы, играя цветочную мелодию. Нариман представлял себе дальнейший путь их произведений, которые будут упрашивать богов в храме, чтить фотографии чьих-то предков, украшать волосы жен, матерей и дочерей.

Прилавок с *бхел-пури** выглядел рельефным пейзажем с золотистыми пирамидами сева, снежными горками мумры, холмиками лепешек-пури, а в долинах между ними поблескивали озера зеленых, коричневых и красных соусов-чатни в алюминиевых мисках.

Продавец бананов разгуливал со своим товаром. Он шагал, вытянув руку, по плечо увешанную тяжелыми кистями бананов, — цирковой номер жонглера и силача.

Для Наримана все это было цирковой магией, упоительным магическим действием.

* *Б х е л - п у р и* — хрустящая индийская закуска, готовится из риса и овощей.

...В канун семьдесят девятого дня рождения он вернулся домой, хромая, со ссадинами на локте и предплечье. Упал, переходя через дорогу напротив «Шато фелисити».

Дверь открыла Куми.

— Боже мой, — взвизгнула она, — Джал, беги сюда, папа весь в крови!

— Где кровь? — изумился Нариман.

Кровь поцарапанной руки немного запачкала рубашку.

— Это? Это называется «весь в крови»? — Нариману стало смешно.

— Как ты можешь смеяться, папа? — упрекнул его Джал. — Мы с ума сходим из-за твоих травм!

— Не преувеличивай. На что-то наступил и слегка подвернул ногу, вот и все.

Куми смочила ватку «Деттолом» и принялась обрабатывать ссадины. Рука Наримана дернулась от жгучего прикосновения антисептика. Куми вздрогнула, как от боли.

— Прости, папа. — Она подула на руку. — Так лучше?

Он кивнул. Ловкие пальцы Куми обтирали ссадины, осторожно заклеивали их пластырем.

— Бога надо благодарить, что все обошлось, — говорила она, убирая аптечку, — ты же понимаешь, чем это могло кончиться. А если бы ты упал прямо на улице, на проезжей части?

— Ох! — Джал закрыл лицо руками. — Даже подумать страшно.

— Одно ясно, — продолжала Куми, — больше ты на улицу не пойдешь.

— Согласен, — подхватил Джал.

— Не будьте идиотами, вы двое.

— А как насчет тебя, папа? — взвилась Куми. — Завтра тебе исполняется семьдесят девять лет, а ты ведешь себя совершенно безответственно. Не думаешь о Джале и обо мне, не ценишь, что мы для тебя делаем.

Нариман сидел, стараясь сохранять гордое спокойствие. Но руки его так и плясали, сколько он ни пытался удержать их на коленях. И ноги дергались все сильнее, заставляя подпрыгивать колени. И еще он никак не мог вспомнить, принял ли лекарства после обеда.

— Выслушайте меня, — сказал он, устав ожидать, пока успокоятся конечности. — В молодости меня контролировали родители и погубили те годы. По их милости я женился на вашей матери и погубил свою зрелость. Теперь вы хотите истерзать мою старость. Я этого не допущу.

— Ложь! — вспыхнула Куми. — Это ты погубил мамину жизнь и нашу с Джалом тоже! Я не потерплю ни одного дурного слова о маме!

— Ты только не расстраивайся, — пытался утихомирить сестру Джал, яростно поглаживая ручку кресла. — Я уверен, что сегодняшней случай послужит папе предостережением.

— И он поймет? — Куми злобно смотрела на отчима. — Или опять выйдет на улицу и переломает себе кости, на мою голову?

— Нет, нет, он будет хорошо вести себя. Будет сидеть дома, читать, отдыхать, слушать музыку и...

— Я хочу это от него услышать!

Нариман сохранял спокойствие, занятый полезным делом: он уже расстегнул пояс и перешел к развязыванию шнурков.

— Если ты не желаешь слушаться нас, можешь спросить, что твоя дочь об этом думает, когда она завтра придет, — предложила Куми. — Твоя плоть и кровь, не то что мы с Джалом, второй сорт.

— Вот это ты совершенно напрасно.

— Слушай, — вздохнул Джал, — Роксана с семьей придет на папин день рождения. Давайте не будем завтра ссориться.

— При чем тут ссора? — возразила Куми. — Просто обсудим все серьезно, как взрослые люди.

Джал и Куми безоглядно полюбили Роксану с момента ее появления на свет, хоть и приходилась она им не родной, а сводной сестрой. Джалу тогда было четырнадцать, Куми — двенадцать, поэтому у них не возникло ощущения, что с рождением малышки они оказались на втором плане, они не терзались ревностью, завистью или даже ненавистью — теми сложными чувствами, которые новорожденные нередко вызывают у братьев и сестер, близких к ним по возрасту.

Или, может быть, Джал и Куми обрадовались появлению Роксаны, потому что она заполнила пустоту, оставленную смертью отца, умершего четырем годами раньше? Дети редко видели отца здоровым. В короткие промежутки, когда он не был прикован к постели из-за больных легких, он был так слаб, что нуждался в постоянном уходе и помощи. Хронический плеврит оказался предвестием более серьезной легочной болезни, страш-